

КЛЯТВА ДЕВЯТОГО:

СЕРДЦЕ КАРМАННИКА



Он хотел приключений и сбежать от прошлого.
Получил — семью из изгоев, сердце мёртвого
бога и войну всего Третьего Горизонта.

Зенков Н.В.

Никита Зенков

**Клятва Девятого:
Сердце карманника**

«Автор»

2026

Зенков Н. В.

Клятва Девятого: Сердце карманника / Н. В. Зенков — «Автор», 2026

Карим «Тень» аль-Насир, 16 лет. Сирота с Нижних Уровней Корриолиса. Никогда не знал родителей — вырос в банде «Дети Тени» среди труб и рынков станции. Мечтал о космосе с тех пор, как в детстве украл старый голопроектор с записями о Втором Горизонте. «Хочу увидеть звёзды, а не только крыши», — повторял он себе каждую ночь. Всё изменилось, когда он обчистил карман высокопоставленного чиновника Консорциума (помощника Министра Торговли). Украл маленький чёрный кристалл в серебряной оправе — думал, что это просто дорогой «камень удачи». На деле это был ключ-активатор к запрещённой технологии Второй Горизонты, который чиновник вёз на тайную встречу. Теперь за Каримом охотятся агенты Консорциума и наёмники Церкви (все хотят «вещь, способную разбудить мёртвых Икон»). Карим в панике бежит в космопорт, прячется в первом попавшемся грузовом отсеке... и корабль стартует. Он даже не знает названия — «Звёздная Танцовщица».

© Зенков Н. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Обещание Старого Ветра	5
Глава 2. Погоня за звёздами	8
Глава 3. Крыса на борту	10
Глава 4. Шрам и кристалл	12
Глава 5. Магнитные кошки	18
Глава 6. Цена полезной проблемы	24
Глава 7. Мёртвый свет	31
Глава 8. Корабль, который ждал	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Никита Зенков

Клятва Девятого: Сердце карманника

Глава 1. Обещание Старого Ветра

Нижние уровни Корриолиса никогда не знали настоящей тишины. Они жили своей жизнью – тяжёлой, влажной, пропитанной тысячами запахов и звуков. Горячий пар с шипением вырывался из старых труб, словно рассерженные змеи. В воздухе висел густой аромат жареного баранины на уличных жаровнях, шафрана, корицы и сладковатого дыма благовоний, которые жгли везде, чтобы задобрить Икону Ткачихи и отогнать Тьму. Под всем этим чувствовался тяжёлый металлический привкус – запах ржавчины, машинного масла, пота тысяч тел и дешёвого алкоголя из подпольных баров. Свет ламп дневного цикла был жёлтым и большим, он мигали, будто сама станция медленно умирала.

Здесь, в секторе 19, под огромной грузовой платформой, находилось их убежище. «Дети Тени» называли это место просто – Домом. Хотя домом это можно было назвать только с большой натяжкой. Несколько старых контейнеров, сваренных между собой, груда потрёпанных одеял, самодельные гамаки из грузовых сетей и одна-единственная лампа, которая висела на цепи и мерцала, словно в агонии. По углам бегали крысы, а в вентиляционных шахтах постоянно гудел ветер, приносящий то холод, то запахи верхних уровней.

Карим «Тень» аль-Насир сидел на ржавой металлической балке чуть выше всех и наблюдал за происходящим. Ему было шестнадцать, но в такие моменты он снова чувствовал себя тем самым трёхлетним мальчишкой, которого когда-то подобрали среди мусора.

Он видел, как Хамид «Старый Ветер» пытается подняться на ноги. Старик опёрся на самодельную трость из обрезка трубы, но протез левой ноги – грубый, скрипящий кусок металла и пластика – снова предательски заскрежетал и подогнулся. Хамид тяжело рухнул обратно на матрас. Лицо его представляло собой сплошной синяк: левый глаз полностью заплыл, нижняя губа была рассечена, а на скуле красовался свежий кровоподтёк фиолетово-чёрного цвета. Кровь запеклась в седой бороде.

У Карима внутри всё сжалось от боли и ярости. Он спрыгнул с балки, приземлившись бесшумно, как и положено Тени, и быстро подошёл.

– Хамид... – тихо проговорил он, опускаясь на колени рядом. – Я же просил тебя не ходить к ним одному. Я же говорил!

Старик поднял голову. Несмотря на побои, он улыбнулся – той самой тёплой, чуть кривоватой улыбкой, которая когда-то, тринадцать лет назад, спасла маленького Карима от ужаса одиночества и голода.

– А ты ещё слишком маленький, чтобы командовать старыми пилотами, Тень, – хрипло ответил Хамид, вытирая кровь с губы тыльной стороной ладони. Голос его был слабым, но в нём всё равно звучала та привычная уверенность, от которой у всех «Детей Тени» становилось спокойнее на душе. – «Красные Клинки» не любят, когда с ними торгуются через посредников. Пришлось идти самому. Иначе они бы решили, что мы их боимся.

Карим помог старику сесть удобнее, подложив под спину свёрнутое одеяло. Руки у него дрожали – не от холода, а от злости. Хамид был ему всем. Отцом, которого никогда не было. Наставником, учителем, сказочником. Именно Хамид когда-то нашёл трёхлетнего Карима в вентиляционном колодце сектора 17. Мальчик сидел там один, грязный, голодный, сжимая в кулачке обрывок старой ткани – единственное, что осталось от матери. Никто не знал, что с ней случилось. Одни говорили – ушла к Иконам. Другие – продала себя в долговое рабство

Консорциуму. Хамид не спрашивал. Просто сунул ребёнку кусок лепёшки и сказал: «Ешь. Здесь не плачут. Здесь выживают».

С тех пор прошло тринадцать лет. Хамид собрал вокруг себя «Детей Тени» – тридцать семь сирот и отбросов разных возрастов. От пятилетней Аиши, которая ещё плохо говорила и всё время цеплялась за подол старшей сестры, до девятнадцатилетнего Малика, который уже считал себя взрослым и точил нож каждую ночь. Они не были бандой в привычном смысле. Никаких татуировок, никаких кровавых клятв. Просто семья. Правило было одно: что украд – делишь поровну. Кто попался – остальные не бросают. Кто предал – того вышвыривают в вентиляцию без скафандра.

Карим помнил, как Хамид впервые показал ему звёзды.

Это было лет семь назад. Старик включил свой древний голопроектор – единственную по-настоящему ценную вещь в их убежище. На потрёпанном голографическом экране появились корабли Второго Горизонта. Огромные, величественные, с развёрнутыми солнечными парусами, сияющими в пустоте. Порталы, раскрывающиеся как цветы из чистого белого света. Бесконечное звёздное небо, где не было ни туб, ни долгов, ни «Красных Клинков».

– Смотри внимательно, Тень, – шептал тогда Хамид, пока другие дети спали. – Там, наверху, нет «Держи вора!». Нет «отработай долг». Там человек сам выбирает свой путь. Обещай мне... когда-нибудь ты увидишь это своими глазами. Не через проектор. По-настоящему. Обещай.

Карим обещал. Снова и снова. Каждую ночь.

И теперь это обещание жгло его изнутри сильнее, чем любой долг.

Рядом тихо всхлипнул маленький Фарида – восьмилетний мальчишка с перевязанной ногой. Перелом. Лекарства стоили дорого. Очень дорого. Именно из-за них долг перед «Красными Клинками» вырос до такой суммы, что расплатиться было почти невозможно.

Хамид посмотрел на Карима долгим, тяжёлым взглядом. Словно чувствовал, что в голове у мальчишки уже зреет план.

– Они дали нам неделю, мальчик. Если не отдадим – заберут Фарида и ещё троих малышей. Скажут, что «на добровольные работы». Ты же знаешь, что это значит. Консорциум не прощает долгов.

Карим стиснул зубы так, что челюсти заныли. Он знал. Все знали.

Вчера вечером к нему подошёл старый слепой торговец благовониями Юсуф. Он схватил Карима за рукав в тёмном переулке и прошептал горячо, быстро, боясь, что их услышат:

– Слушай внимательно, мальчишка. Завтра, ровно в полдень, на рынке Аль-Хамра будет важный человек. Помощник самого Министра Торговли Консорциума. При нём будет маленькая вещь – чёрный кристалл в серебряной оправе. Очень ценная. Очень опасная. Стоит столько, что вы сможете расплатиться с «Клинками» и ещё останется на новую жизнь. Но передай это Старому Ветру. Сам не лезь. Слышишь? Это не простая побрякушка. Там замешаны большие люди. Церковь, Консорциум... Скажи Хамиду – это может быть наш единственный шанс.

Карим тогда кивнул. Но уже тогда в его голове созрело решение.

Он не расскажет Хамиду.

Не станет ждать общего плана.

Не будет рисковать остальными «Детьми Тени».

Он сделает это сам. Один. Украдёт кристалл, продаст его через нужных людей, заплатит долг «Красным Клинкам» и... купит себе место на любом корабле. Хотя бы в грузовом отсеке. Главное – улететь. Увидеть те самые звёзды, о которых рассказывал Хамид. А потом, если получится, он найдёт способ помочь остальным.

Это было глупо. Это было опасно. Это было предательством по отношению к семье.

Но Карим больше не мог смотреть, как Хамид умирает по частям в этом металлическом аду. Как Фарид плачет по ночам от боли. Как все они медленно тонут в долгах и страхе.

Он встал, сжал плечо старика – крепко, по-мужски.

– Я найду деньги, Хамид. Обещаю тебе. Мы не отдадим малышей. Мы выкарабкаемся. Как всегда.

Хамид посмотрел на него долгим взглядом. В единственном зрячем глазу мелькнуло что-то – то ли гордость, то ли тревога.

– Не делай глупостей, Тень. Мы – семья. Мы справимся вместе. Как всегда справлялись.

Карим улыбнулся. Но улыбка получилась натянутой и не коснулась глаз.

– Конечно. Вместе.

Он уже знал, что завтра утром отправится на рынок Аль-Хамра один.

И что после этого всё изменится навсегда.

Глава 2. Погоня за звёздами

На следующее утро Карим проснулся раньше всех. В убежище ещё пахло вчерашним чаем и потом. Хамид тихо храпел на своём матрасе, Фарид свернулся калачиком под тонким одеялом. Карим смотрел на них несколько секунд – сердце сжималось так, будто кто-то сдавил его в кулаке. Потом он встал, надел самую чистую рубашку (ту, что ещё не пропиталась запахом улицы), натер ладони пеплом от жаровни, чтобы не скользили, и выскользнул наружу.

Он не попрощался. Не оставил записки. Просто ушёл.

Рынок Аль-Хамра уже бурлил, хотя до полудня оставалось ещё полчаса. Тысячи голосов сливались в один сплошной гул: торговцы орали цены, женщины ругались из-за места у прилавка, дети пищали под ногами. Запахи ударили в нос сразу – жареная баранина на шампурах, свежий шафран, сладкий дым благовоний и тяжёлый дух пота. Над всем этим висел привычный азан – муэдзин станции уже начинал утреннюю молитву через громкоговорители.

Карим двигался как тень. Низко надвинутый капюшон, взгляд в пол, плечи расслаблены. Он знал каждую щель этого рынка. Знал, где можно нырнуть под тележку, где пролезть между ящиками. Но сегодня всё было иначе. Сегодня он был один. Без Малика на подстраховке, без маленькой Аиши, которая обычно отвлекала криком «смотрите, крыса!». Один – и от этого по спине бегали мурашки.

Он увидел цель почти сразу.

Высокий мужчина в безупречном сером костюме Консорциума стоял у прилавка с дорогими благовониями. Золотая цепь на шее блестела в свете ламп. На пальце – тяжёлый перстень с печатью Министерства Торговли. Два охранника в чёрной форме стояли в трёх шагах – но смотрели не на толпу, а в свои коммуникаторы. Классика. Большие люди всегда считают, что на Нижних уровнях их никто не тронет.

Карим сделал глубокий вдох. В голове прозвучал голос Хамида: «Не жадничай. Не смотри в глаза. Второй путь отхода всегда должен быть».

Он двинулся.

Сделал вид, что споткнулся о ящик с сушёными финиками. Полетел вперёд, вцепился в рукав чиновника, чтобы «не упасть».

– Ой, эфенди! Простите меня, я не видел! – голос получился тонким, детским, испуганным. Идеально.

Правая рука уже сделала своё дело. Холодный, тяжёлый чёрный кристалл в серебряной оправе скользнул из внутреннего кармана костюма прямо в рукав Карима. Всё заняло меньше трёх секунд. Кристалл был странно тёплым. Как будто живой.

Чиновник даже не посмотрел вниз.

– Пошёл вон, уличная крыса, – бросил он брезгливо.

Карим отступил, кланяясь, и начал отходить. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди. Получилось. Получилось!

Но в этот момент один из охранников вдруг поднял голову. Их глаза встретились. Всего на долю секунды. Карим увидел, как лицо мужчины меняется – от скуки к узнаванию.

– Эй! Стой, мелкий ублюдок!

Крик разрезал рынок, как нож.

Карим рванул.

Погоня началась мгновенно и яростно.

Он нырнул под тележку торговца финиками, перекатился, вскочил на ноги. За спиной – тяжёлые ботинки, крики:

– Вор! Держи его! У него кристалл Министра!

Карим петлял между прилавками, как заяц. Ящик с шафраном опрокинулся – облако ярко-жёлтой пыли взлетело в воздух, заставив всех чихать. Кто-то схватил его за край куртки – Карим вывернулся, оставив в чужих пальцах кусок ткани. Лёгкие уже горели, но страх гнал вперёд сильнее любого топлива.

– Сюда! Он побежал к лестницам!

Вниз по ржавым металлическим ступеням – прыжками, едва касаясь перил. Сзади лязг ботинок. Выстрел парализатора – синяя дуга ударила в стену в полуметре от его головы, осыпав искрами. Жар обжёг щёку.

– Стоять, щенок! Живым брать!

Карим нырнул в узкую вентиляционную шахту – ту самую, которую знал с детства. Полз на животе, чувствуя, как острые края металла режут локти и колени. Сзади слышались ругательства и удары – охранники были слишком крупными, застряли. Но они уже вызвали подкрепление. Коммуникаторы трещали на всю шахту:

– Сектор семь! Уличный вор, чёрный кристалл! Все посты – перекрыть!

Карим вывалился из вентиляции в грузовой коридор космопорта. Лёгкие разрывались. Ноги дрожали. В кармане кристалл жёг кожу, будто раскалённый уголь. Он оглянулся – трое уже выбежали из-за угла. Один снова поднял парализатор.

Корабли стояли в ряд, огромные и молчаливые. «Сокол Консорциума», «Меч Пророка», «Звёздная Танцовщица»... Последний выглядел старым, потрёпанным, но живым. Грузовой люк был приоткрыт. Два механика как раз загружали последние ящики.

Карим прижался спиной к стене, пытаясь отдышаться. Голоса механиков доносились совсем близко:

– Эй, Рашид, осторожнее с этим контейнером! Там метка «Вторая Горизонта – запрещённый груз»! Если эта дрянь взорвётся в прыжке – нас всех к Иконам отправит без молитвы!

– Да ладно тебе ныть, брат. Капитанша сказала – грузить быстро. Через пять минут старт. Икона Путника нас хранит, а ты всё равно проверь фиксаторы. Не хочу, чтобы в невесомости всё по отсеку летало, как в прошлый раз.

Карим дождался, пока оба отвернутся к следующему ящику, и метнулся вперёд. Один прыжок – и он уже внутри грузового отсека. Зарылся между контейнерами, вжался в узкую щель. Запах металла, специй и озона. Полная темнота.

Люк зашипел. Закрылся с тяжёлым металлическим стуком.

– Старт через две минуты, – раздался по внутренней связи жёсткий, красивый женский голос. – Всем членам экипажа занять места. Икона Путника, веди нас сквозь Тьму. Икона Ткачихи, сплети нам безопасный путь.

Корабль вздрогнул. Двигатели взревели. Перегрузка вдавила Карима в стену так сильно, что он едва не закричал. За бортом – он это чувствовал даже без иллюминатора – Корриолис превращался в блестящую точку, потом в ничто.

Он закрыл глаза. Всё тело дрожало. В ушах всё ещё стоял крик охранников, в носу – запах шафрана и пороха от парализатора. Слезы сами собой покатались по щекам – горячие, злые.

– Хамид... – прошептал он в темноту, сжимая в кармане кристалл. – Я сделал это. Я улетаю. Как ты и хотел... Только прости меня. Прости, что не сказал.

В этот момент чёрный кристалл в его пальцах начал тихо светиться – слабым, пульсирующим светом, в такт бешеному биению сердца Карима.

А где-то очень далеко, в холодной Тьме Между Звёздами, что-то древнее и забытое медленно открыло глаза.

Глава 3. Крыса на борту

Перегрузка наконец отпустила. Карим всё ещё лежал, вжатый в узкую щель между двумя контейнерами, и чувствовал, как тело медленно становится своим. Двигатели перешли на ровный низкий гул – корабль вошёл в прыжок. Через портал. В Тьму.

В грузовом отсеке было темно, только красные аварийные полосы вдоль стен слабо светились. Воздух стал холоднее, пахло озоном, металлом и чем-то сладковато-пряным – наверное, специи в одном из ящиков. Карим осторожно выдохнул. Руки дрожали. В кармане кристалл уже не жёг, но всё равно казался живым: лёгкое, едва заметное тепло пульсировало в такт его сердцу.

Я сделал это. Я на корабле. Я улетаю.

Он почти улыбнулся. Почти. Потому что в голове всё ещё стояли крики охранников, запах шафрана в пыли и лицо Хамида – избитое, но улыбающееся. *Прости, Старый Ветер. Я вернусь. Когда-нибудь.*

Внезапно по внутренней связи раздался тот же жёсткий женский голос, что объявлял старт:

– Рашид, проверь грузовой. Сенсоры показывают лишний вес. Двадцать три килограмма. Живое. Ищи.

Карим замер. Сердце ухнуло куда-то вниз.

– Понял, капитанша, – ответил молодой мужской голос, немного ленивый. – Сейчас посмотрю. Может, контейнер сдвинулся.

Шаги. Тяжёлые, уверенные. Карим вжался глубже в щель, но было поздно. Свет фонаря ударил прямо в лицо.

– Ну привет, заяц...

Перед ним стоял парень лет двадцати четырёх – худой, в замасленном комбинезоне, с короткими тёмными волосами и татуировкой Иконы Путника на шее. В руке – тяжёлый гаечный ключ. Глаза прищурены, но не злые. Скорее удивлённые.

– Вылезай. Медленно. И без глупостей.

Карим поднял руки. Ноги затекли, он едва не упал, когда выбрался. Парень (Рашид, вспомнил он имя из разговора механиков) схватил его за воротник и толкнул вперёд.

– Капитанша! Нашёл! Маленький, но наглый.

По коридорам корабля их вели под прицелом. Карим впервые видел внутренности настоящего звездолёта: узкие металлические проходы, тусклые лампы, молитвенные ленты с именами Икон, развешанные по стенам. Из динамиков тихо звучал азан – корабельный муэдзин читал вечернюю молитву. Всё было... живым. Не как на голопроекторе Хамида. Настоящим.

Его завели в небольшую кают-компанию. За столом сидела она.

Капитанша Лейла «Шрам» аль-Рашид.

Тридцать восемь лет, короткие чёрные волосы с седой прядью, взгляд – как у человека, который уже видел Тьму и вернулся. На груди, в вырезе комбинезона, виднелся уродливый чёрный шрам – словно кто-то выжег кожу изнутри. Она сидела, закинув ноги на стол, и чистила нож. Рядом стояли ещё трое.

– Так-так... – протянула она низким голосом. – Заяц. И откуда ты у нас взялся, крысёнок? Карим сглотнул. Голос предательски дрогнул, но он заставил себя смотреть ей в глаза.

– Я... я Карим. С Корриолиса. Нижние уровни. Просто... мне нужно было улететь.

Лейла подняла бровь. Нож в её руках блеснул.

– Просто улететь? На моём корабле? Без билета? Без разрешения?

Рашид (тот самый механик) усмехнулся и толкнул Карима ближе к столу.

– Он был в грузовом. Между контейнерами с... ну, ты знаешь, с чем.

Капитанша кивнула. В каюту вошла ещё одна женщина – высокая, загорелая, с длинными косами и ножами на поясе. Сирха. Зейнаб «Ветер», как позже узнал Карим.

– Обыскали? – спросила она.

Рашид кивнул и вытащил из кармана Карима чёрный кристалл. Положил на стол.

Лейла замерла. Её глаза сузились. Она медленно взяла кристалл двумя пальцами. Тот едва заметно засветился – точно так же, как в кармане у Карима.

– Интересно... – тихо проговорила капитанша. – Очень интересно.

Она посмотрела на Карима уже совсем другим взглядом. Не как на вора. Как на проблему. Или как на подарок.

– Ты хоть знаешь, что украл, мальчик?

Карим покачал головой. Сердце колотилось где-то в горле.

– Нет... Я думал – просто дорогая штука. Чтобы долг отдать. И улететь.

В каюту вошёл четвёртый – пожилой мужчина в потрёпанной жреческой рясе без знаков Церкви. Отец Судья Тарик аль-Карим. Он посмотрел на Карима долго, внимательно, будто видел не только лицо, но и что-то за ним.

– Икона Ткачихи сплетает странные узоры, – тихо сказал он. – Мальчик не врёт. Но кристалл... он уже проснулся.

Лейла положила нож на стол. Звук был громким в тишине.

– Ладно, Карим с Нижних уровней. У нас два варианта. Первый – выкинуть тебя в шлюз. Быстро и чисто. Второй – ты рассказываешь всё. Кто тебя послал. Что ты знаешь. И почему именно этот кристалл светится у меня в руке.

Она наклонилась вперёд. Шрам на груди будто потемнел.

– Выбирай быстро. У нас до выхода из прыжка меньше часа. И поверь... я уже убивала за меньшее.

Карим смотрел на неё, на кристалл, на лица экипажа – жёсткие, усталые, но живые. И вдруг понял: он больше не на Корриолесе. Он не в банде «Детей Тени». Он на настоящем корабле. Среди настоящих людей.

И они только что стали его новой семьёй.

Хочет он того или нет.

Глава 4. Шрам и кристалл

Карим никогда раньше не бывал в прыжке.

Он мечтал о звёздах столько лет, что в детских фантазиях всё выглядело иначе. Там корабли скользили через пустоту легко и величественно, как в старых голозаписях Хамида: раскрытые паруса, сияющие корпуса, тишина, музыка, бесконечная чернота с драгоценными россыпями света. Там космос был свободой.

Настоящий космос оказался металлическим.

Когда Рашид вытащил его из грузового отсека и повёл по внутренним коридорам «Звёздной Танцовщицы», Карим понял это каждой костью. Корабль был не сказкой, а живым, старым существом из металла, проводки, заклёпок и упрямства. Переборки дрожали от работы двигателей. По стыкам стен тянулись кабели в защитной оплётке. На трущихся участках пола лежали противоскользкие коврики с прожжёнными пятнами. Над каждой дверью висели маленькие ленточки с молитвами Иконам – кто-то привязывал их на удачу, кто-то по привычке, кто-то от страха. В Третьем Горизонте даже контрабандисты не шутили с Тьмой Между Звёздами.

Из ближайшего динамика доносился тихий, чуть дребезжащий голос корабельного муэдзина. Не живой человек – старая запись, заикливая на время перехода. Она шла почти шёпотом, чтобы не мешать работе, и от этого звучала ещё страшнее.

– ...пусть Иконы ведут нас меж вратами,
пусть тьма останется снаружи,
пусть ни один голос не войдёт с нами внутрь...

Карим сглотнул.

Он не хотел показывать страх, но страх был везде: в тесных стенах, в гуле реактора, в самом воздухе. На Нижних Уровнях Корриолиса боялись ножей, долгов, банд и болезней. Здесь боялись другого. Того, что нельзя пнуть, подкупить или обмануть. В каждом коридоре чувствовалось старое, ввевшееся поколениями знание: между звёздами не пусто.

– Иди ровно, – сказал Рашид, толкнув его в плечо. – А то выглядишь так, будто сейчас упадёшь и начнёшь целовать пол от восторга.

– Я бы выбрал что-нибудь менее масляное, – буркнул Карим.

Рашид хмыкнул, но ничего не ответил.

По пути они миновали открытую нишу, где на стене висела карта маршрута – потёртая голографическая пластина с обозначенными системами, порталами и старой разметкой. Карим узнал только Корриолис и пару названий, которые слышал в детстве от Хамида. Остальное было просто чужим небом. Чужими дорогами. Чужой жизнью.

И сердце у него сжалось.

Потому что, несмотря на страх, несмотря на погоню, несмотря на кристалл, который всё ещё жёг память о своём тепле в кармане, – он был здесь. На корабле. Между мирами. Там, куда обещал однажды попасть.

И тут же эта мысль ударила другой, горькой стороной:

без Хамида. Без предупреждения. Без прощания.

Рашид провёл его в кают-компанию – небольшое помещение, где всё было собрано плотно и по делу. Низкий потолок. Стол, привинченный к полу. Три кресла с магнитными фиксаторами. Потёртый шкаф с аптечкой. Полка с жестяными чашками. У дальней стены – ниша для молитвы: небольшая ткань, фонарь и старый бронзовый знак Икон, отполированный пальцами так часто, что металл сиял на изгибах.

За столом сидела она.

Капитанша Лейла «Шрам» аль-Рашид.

Теперь Карим увидел её лучше, чем раньше. Она была не просто жёсткой женщиной с плохим настроением. В ней чувствовалась привычка командовать людьми, которые умирают по настоящему. Короткие тёмные волосы. Жёсткая линия рта. Тёмные глаза – не злые, а опасно спокойные. На шее цепочка с маленьким армейским жетоном. На груди, в распахнутом вороте комбинезона, виднелся тот самый уродливый чёрный шрам – не как след ножа или пули, а как будто кожу когда-то обожгло чем-то, что не принадлежало обычному огню.

Рядом стояла Зейнаб – с длинными косами, ножами на поясе и такой ухмылкой, будто все неприятности во вселенной рождались исключительно затем, чтобы она могла над ними посмеяться. Чуть в стороне – пожилой мужчина в вытертой рясе без церковных знаков сана. Тарик. Он держался очень тихо, но от этого не становился менее заметным. Некоторые люди напоминают молитвы: чем тише звучат, тем труднее их игнорировать.

Рашид толкнул Карима вперёд.

– Нашёл крысу между контейнерами, капитанша.

– Уже вижу, – сказала Лейла.

Она не повысила голос. И именно это заставило Карима напрячься сильнее, чем любой крик.

– Имя.

– Карим.

– Полное.

– Карим аль-Насир.

– Возраст.

– Шестнадцать.

– Лжёшь.

– Шестнадцать, – повторил он, уже тише.

Лейла несколько секунд смотрела ему в лицо, будто прикидывала, выдержит ли эта кость удар. Потом протянула руку.

Рашид молча достал из кармана чёрный кристалл в серебряной оправе и положил его ей на ладонь.

В комнате стало холоднее.

Это было не на самом деле – Карим понял это умом. Воздух не изменился. Система климат-контроля работала как раньше. Но каждый в кают-компании чуть напрягся, словно кто-то открыл дверь в вакуум.

Кристалл был маленький, помещался в ладони, но рядом с ним всё остальное – стол, свет, люди, даже корабельный гул – отступало на шаг назад.

– Так, – тихо произнесла Лейла. – Теперь ещё раз. Имя, возраст, происхождение и каким образом ты оказался на моём корабле с этой вещью в кармане.

Карим сглотнул и начал говорить.

Сначала коротко. Потом, под её взглядом, подробнее. Про Нижние Уровни. Про сектор 19. Про Хамида и «Детей Тени». Про долг «Красным Клинкам». Про слепого торговца благоволиями, который шепнул про помощника Министра Торговли. Про рынок Аль-Хамра. Про руку в кармане. Про погоню. Про открытый грузовой люк.

Когда он дошёл до Фариды и сломанной ноги, Зейнаб перестала ухмыляться. Когда рассказал про Хамида и избитое лицо, Рашид отвёл взгляд к стене. Только Лейла осталась неподвижной.

– Значит, ты украл это у помощника Министра Торговли Консорциума, – сказала она, когда он закончил.

– Я не знал, кто он.

– Зато теперь знаешь.

– Теперь, да.

– И ты правда думал, что сможешь просто сбыть такую вещь на Нижних Уровнях? – спросила Зейнаб. – Кому? Торговцу специями? Старой гадалке с рынка? Парню, который продаёт поддельные печати на ящиках?

Карим сжал зубы.

– Я думал, что найду способ.

– Мощная школа планирования, – пробормотала она. – Надо преподавать в академиях.

– Он ребёнок, – тихо сказал Тарик.

Лейла даже не повернулась к нему.

– На Корриолисе дети умирают раньше, чем успевают вырасти. Это не смягчающее обстоятельство, отец Судья.

– Я сказал не “смягчающее”. Я сказал “ребёнок”.

Впервые в голосе Тарика прозвучала твёрдость. Не громкая, но такая, о которую человек вроде Лейлы не мог не зацепиться.

Капитанша положила кристалл на стол и вытерла ладонь о штанину, словно тот оставил на коже липкий след.

– Ладно, мальчик с Нижних Уровней. Теперь послушай меня. В Третьем Горизонте существует много дорогих вещей. Артефакты с развалин. До-зенитианские карты. ключи доступа к старым станциям. Печати домов. Имена людей, которых лучше не произносить вслух. Но эта штука... – она кивнула на кристалл, – не просто дорогая.

Она замолчала на секунду, подбирая слово.

– Она неправильная.

Карим почувствовал, как по спине прошёл холодок.

– Что это такое?

– Если бы мы знали точно, мы бы уже разбогатели или умерли, – ответила Зейнаб.

– Скорее второе, – буркнул Рашид.

Лейла посмотрела на Карима пристально.

– Мы везём груз. Контейнеры с оборудованием, которое не любят проверяющие, церковные досмотрщики и вообще люди с лишними вопросами. Осколки старых технологий. Некоторые – с заброшенных станций. Некоторые – из таких мест, куда лучше не соваться без молитвы и тяжёлого вооружения. У всего этого добра есть одна общая черта: оно не должно было пересечься с таким кристаллом. А теперь сенсоры вокруг одного из ящиков сходят с ума.

Карим медленно перевёл взгляд с неё на стол. На кристалл. Потом на Рашида.

– То есть... он подошёл к вашему грузу?

– Не “подошёл”, – сказал Тарик.

Все посмотрели на него.

Он стоял всё так же спокойно, но лицо стало более усталым. Тени под глазами обозначились резче.

– Он откликнулся.

В кают-компании повисла тишина.

Даже голос муэдзина в динамике словно отступил чуть дальше.

– Не начинай, – сказала Лейла.

– Я не начинаю. Я просто называю вещи своими именами.

– Это обычно и есть начало худших бед.

Тарик подошёл к столу. Его пальцы были длинными, сухими, с чуть заметными следами старых ожогов – то ли от свечей, то ли от лабораторных ламп, то ли от вещей, о которых лучше не спрашивать. Он не сразу потянулся к кристаллу. Сначала посмотрел на Карима.

– Когда ты взял его в руку, что почувствовал?

Карим хотел соврать. Сказать: “ничего”. Просто чтобы не выглядеть сумасшедшим. Но в глазах Тарика было что-то такое, от чего ложь вязла в горле.

– Тепло, – тихо сказал он. – Сначала в кармане. Потом... как будто он пульсировал. В такт сердцу.

Рашид выругался вполголоса.

Зейнаб медленно перестала барабанить пальцами по кобуре.

Лейла смотрела на кристалл так, будто старый кошмар вдруг вылез из вентиляции и сел к ней на стол.

Тарик кивнул.

– А сейчас?

Карим закрыл глаза на миг.

Сначала ничего.

Потом – очень глубоко, очень слабо – ему почудилось то, чему он ещё не знал названия. Не звук. Не мысль. Не образ. Просто ощущение, что где-то за металлом, за переборками, за толщей корабля есть что-то, что не спит.

– Будто... – он замялся, – будто кто-то слушает.

Лейла резко встала.

Стул, привинченный к полу, лязгнул так, что Карим вздрогнул.

– Хватит.

Она сама взяла кристалл со стола.

На этот раз он засветился сразу.

Свет был слабый. Матовый. Чёрный кристалл не озарял комнату – наоборот, будто поглощал её, вытягивал тени к себе. На мгновение шрам на груди Лейлы потемнел, как свежий ожог.

Капитанша побледнела.

Не сильно. На полтона. Но этого хватило, чтобы Карим понял: она испугалась.

Лейла медленно стиснула зубы.

– Рашид.

– Да?

– Убери эту дрянь в свинцовый футляр. И поставь на грузовую полку с изоляцией. Двойной контур. Без датчиков общего доступа.

– Уже.

– Зейнаб, никого к трюму не подпускать. Даже если это я.

– М-м. Прекрасно, – сказала та. – Обожаю приказы, в которых фигурирует фраза “даже если это я”.

– Тарик, – продолжила Лейла, не слушая её, – ты ничего не трогаешь, ничего не исследуешь и не устраиваешь мне здесь богословскую экспедицию, пока я не скажу.

– Тогда ты скажешь слишком поздно, – спокойно отозвался он.

– Тогда хотя бы с моим разрешением.

Она повернулась к Кариму.

И теперь в её взгляде не было ни раздражения, ни презрения. Только опасный расчёт.

– А ты слушай внимательно. Сейчас у меня есть два пути. Первый – открыть шлюз и вернуть космосу его недостающий кусок уличной глупости. Второй – довести тебя до первого безопасного порта и продать тому, кто даст достаточно, чтобы покрыть мои риски.

– Очень обнадёживающе, – сказал Карим хрипло.

– Это ещё ласково. В обычных обстоятельствах безбилетников на борту не терпят. Но ты, похоже, пришёл в комплекте с чем-то, что уже вмещалось в мой груз.

– Я не просил—

– Никто никогда не просит такие вещи, мальчик, – тихо сказала Лейла. – Они просто случаются. А потом люди умирают.

Слова ударили сильнее, чем крик.

Карим отвёл глаза. Перед ним всплыло лицо Хамида. Фарид под тонким одеялом. Пыльный рынок. Слепой Юсуф, горячо шепчущий в переулке. Всё это внезапно показалось бесконечно далёким. Будто он уже не принадлежал тому миру. И от этой мысли стало страшнее, чем от угрозы шлюза.

Он сжал кулаки.

– Я не хотел никого втягивать, – сказал он, почти шёпотом.

– Конечно не хотел, – отозвалась Зейнаб уже без насмешки. – Такие беды редко приходят по записи.

Рашид осторожно взял кристалл. На его лице промелькнуло что-то вроде брезгливой тревоги. Он ушёл из кают-компания так быстро, как только позволяли приличия.

Тарик остался на месте.

– Я бы хотел с ним поговорить потом, – сказал он, кивнув на Карима.

– Позже, – отрезала Лейла. – Пока – под замок.

– Лейла...

Она обернулась к нему.

– Не надо. Я знаю этот взгляд. Ты снова хочешь сказать, что Иконы сплетают узоры, что мальчик послан неслучайно, что всё это испытание и дар одновременно. Я слышал такие речи раньше. После них обычно приходится собирать людей по частям.

Тарик выдержал её взгляд.

– А я видел, как люди пытались игнорировать знаки и прятать правду в свинцовые коробки. После этого приходилось собирать уже души.

На секунду в кают-компания стало так тихо, что Карим услышал, как в вентиляции шуршит воздух.

Лейла медленно выдохнула.

– Отвести его.

Рашида ещё не было, и Зейнаб, цокнув языком, сама взяла Карима за локоть.

– Пошли, крысёныш.

– Я не крыса.

– Сейчас не время спорить о таксономии.

Она вела его по коридору чуть мягче, чем делала это вначале. Они миновали узел связи, где за панелью сидела молодая девушка в наушниках и быстро перебирала пальцами по сенсорным клавишам. Увидев Карима, она моргнула удивлённо, но ничего не сказала. Дальше – открытый люк техотсека, где пахло горячим металлом и чистящим составом. За решёткой на стене мерцали звёзды – не настоящие, а свет с навигационного экрана, отражённый в стекле. Но даже от него у Карима перехватило дыхание.

– Красиво? – спросила Зейнаб, заметив его взгляд.

Карим кивнул.

– Первый раз всегда так, – сказала она уже тише. – Потом начинаешь больше думать о топливе, рационах, запчастях и о том, почему половина вселенной хочет не дать тебе спокойно сесть и поесть. Но первый раз... да.

Он хотел спросить её, как давно она летает, видела ли она Сирх, правда ли, что некоторые системы пахнут иначе, даже через фильтры. Но не успел.

Корабль вздрогнул.

Не как раньше – не плавной дрожью прыжка, а коротким, острым рывком.

Зейнаб мгновенно отпустила его локоть и коснулась браслета связи.

– Мостик?

В ответ – только треск.

Потом по внутренней связи рванул голос одного из пилотских помощников:

– Капитан! Контакт по корме! Две... нет, три сигнатуры! Они сидели в нашей тени после выхода из коридора!

Зейнаб выругалась так красиво и длинно, что даже Карим оценил.

Сирены взвыли по всему кораблю.

Красный свет вспыхнул вдоль переборок.

И мир снова сорвался с места.

Глава 5. Магнитные кошки

Аварийная тревога на корабле звучала совсем не так, как на станции.

На Нижних Уровнях сирены были старые, глухие, будто кто-то бил палкой по железной бочке. Здесь сигнал был резкий, режущий, точный. Он не просто предупреждал – он поднимал весь корабль на ноги, заставлял кровь идти быстрее.

«Звёздная Танцовщица» будто за один вдох изменилась вся. Коридоры, ещё минуту назад тесные и почти домашние, превратились в боевые кишки старого зверя. Где-то защёлкнулись автоматические переборки. В нишах загорелись указатели к аварийным постам. Из скрытых отсеков с шипением вышли противопожарные заслонки.

Зейнаб уже бежала, и Карим едва попевал.

– Что происходит? – крикнул он сквозь вой сирены.

– Нас вели от выхода! – бросила она через плечо. – Паразиты на хвосте! Или пираты, или те, кто знал, что искать!

– В прыжке можно так?

– В Третьем Горизонте можно всё, если ты достаточно наглый и достаточно тупой!

Они свернули к центральному стыку палуб, и навстречу им выскочил Рашид с аварийным комплектом за спиной.

– Контур трюма нестабилен! – крикнул он. – Кто-то глушит наружные датчики!

– Кристалл где?

– В изоляторе!

– Заперт?

– Да!

– Уверен?

– Нет, но сейчас не время для честности!

Зейнаб толкнула Карима к стене.

– С ним что делать?

Рашид бросил на мальчишку быстрый взгляд. На секунду их глаза встретились – и Карим увидел в его лице не раздражение, а настоящую тревогу.

– В техотсек. Запри. Подальше от шлюзов.

– Эй, я не багаж! – выдохнул Карим.

– Сегодня все мы багаж, который пытаются вскрыть, – огрызнулась Зейнаб. – Беги!

Рашид схватил Карима за плечо и потащил вниз по узкому служебному проходу. Здесь потолок был ниже, трубы шли вдоль стен, а воздух обжигал запахом перегретой проводки. Пол вибрировал сильнее – где-то рядом работали силовые линии.

– Слушай внимательно, – сказал Рашид на бегу. – Если начнётся разгерметизация, прижмись к стене и держись за всё, что привинчено. Если увидишь человека в чужой броне – бей в глаза, горло, пах. Красиво не надо. Главное – чтобы он потом долго размышлял о смысле жизни.

– Очень вдохновляющее наставление.

– У меня не было времени написать тебе учебник.

Корабль резко дёрнулось вбок.

Обоих швырнуло на переборку. Где-то наверху глухо ударило – один, два, три раза. Потом послышался такой звук, который Карим уже научился узнавать по одной секунде: металл цеплялся за металл.

– Магнитные кошки, – выдохнул Рашид.

По внутренней связи захрипел голос с мостика:

– Внимание всем постам! Фиксируем сцепление по правому борту! Повторяю: магнитное сцепление! Возможен abordаж!

– Возможен, – пробормотал Рашид. – Конечно, “возможен”. А то мы думали, они просто так снаружи покататься прицепились.

Он толкнул Карима в узкую сервисную нишу за силовым шкафом.

– Сиди здесь. Ни звука. Ни шага. Даже не дыши громко, если можешь.

– А ты?

– Я чиню эту развалюху, пока остальные не дадут в неё войти всякому мусору.

Он уже разворачивался, когда Карим схватил его за рукав.

– Рашид.

Тот оглянулся.

– Если... если нас из-за меня нашли...

Механик несколько секунд смотрел на него, потом устало дёрнул плечом.

– Сейчас это уже не важно.

И побежал обратно.

Карим остался один.

В нише было тесно. Колени упирались в ящик аварийных предохранителей. Вентиляция гнала сухой горячий воздух. За стенкой что-то гудело низко и ровно – силовая магистраль или насосы охлаждения.

Пальцы у него дрожали.

На Нижних Уровнях он не раз слышал выстрелы. Не раз убегал. Не раз видел кровь. Но там всё было знакомое: рынок, ступени, крыши, люди из плоти и злобы. Здесь же вокруг была чужая война. Корабельная. В замкнутом металле. Там, где любая ошибка превращается в пустоту.

Он вдруг вспомнил Хамида – как тот однажды, показывая старую голозапись грузового судна, сказал:

– Запомни, Тень. В космосе человек умирает не потому, что враг сильнее. А потому, что железо перестаёт прощать.

Тогда Карим мало что понял. Сейчас понял слишком хорошо.

Сначала он услышал шаги. Тяжёлые. Ритмичные.

Потом – голоса. Не свои.

Низкий, искажённый шлемными решётками смех.

Карим задержал дыхание.

По служебному коридору шли двое. Он увидел их сквозь щель между кабелями: тёмные бронекостюмы с потёртыми наколенниками, гермошлемы с узкими визорами, короткие карабины, магнитные крепления на ботинках. Не военные. Не аккуратные наёмники Консорциума. Скорее рейдеры из тех мелких независимых шайк, которые болтаются на торговых трассах и продают всё – груз, людей, данные, органы, удачу.

Один ударил прикладом по панели шлюзового щита.

– Тут кто-то прошёл, – сказал он.

– Забираем всё, что заперто. Боссу сказали: искать маленький контейнер или ребёнка.

У Карима во рту пересохло.

Или ребёнка.

Значит, пришли не случайно.

Корабль снова вздрогнул. Где-то в носовой части затрещали выстрелы. Короткие, жёсткие. В ответ рывкнуло что-то тяжелее – наверно, один из корабельных пистолетов Зейнаб.

Рейдеры пошли дальше.

Карим медленно выдохнул.

И в ту же секунду услышал ещё один звук – тихий, сдавленный вскрик.

Он высунулся из ниши.

В конце коридора, у открытого сервисного люка, стояла та самая девушка из узла связи – в наушниках, с аварийным планшетом, бледная как соль. Она, видимо, пыталась проскочить к следующему посту и наткнулась на абордажников. Один из них уже обернулся к ней.

Девушка вскинула маленький парализатор. Руки у неё тряслись.

– Не двигайся! – крикнула она.

Рейдер хохотнул.

Для него это и правда, наверное, выглядело смешно.

Он поднял карабин.

Карим рванулся раньше, чем успел подумать.

Рядом с нишей стоял сервисный ящик с инструментами – тяжёлый, на магнитных колёсах. Он со всей силы пнул его вбок. Ящик, сорвавшись с фиксаторов, покатился по коридору и врезался рейдеру в колено. Тот качнулся.

– Ложись! – заорал Карим девушке.

Она упала.

Выстрел ударил выше, прожёл трубу над её головой, и из пробоины с визгом вырвался пар.

Коридор мгновенно заволкло белёсым облаком.

Второй рейдер резко повернулся на звук.

Карим схватил первое, что попало под руку, – длинный магнитный ключ – и метнул. Металлический стержень ударил в шлем. Не смертельно. Но достаточно, чтобы чужак потерял секунду.

А секунда на корабле иногда ценнее года на станции.

Карим юркнул в боковой техпроход.

За спиной грохнули шаги.

– Тут ещё один! Живой! – рявкнул рейдер.

Проход был узкий, с низким потолком и кабелями вдоль стен. Для парня, выросшего в вентиляции сектора 17, – почти родная среда. Для человека в броне – проклятие с заклёпками.

Карим полз, почти летел вперёд, цепляясь ладонями за решётчатый пол. За спиной скрежетало железо – преследователь ломился следом, застревая плечами и ругаясь на двух языках сразу.

В голове билась одна мысль:

не останавливаться. не думать. не умирать.

Он вылетел к развилке, увидел открытый технический щит, россыпь светящихся индикаторов, аварийные фиксаторы и – сам не понял как – сразу **узнал**, что нужно сделать.

Не вспомнил. Не догадался.

Узнал.

Будто кто-то уже держал эту схему в его голове.

Он сунул руку под панель, нащупал аварийный электромагнит грузовой переборки и рванул фиксатор вниз.

– Ну давай же, – прошептал он. – Давай, железяка.

Щёлкнуло.

Тяжёлая сервисная дверь сорвалась и рухнула вниз.

С грохотом.

С криком.

С мерзким влажным звуком, когда металл опускается на чью-то ногу и чужой организм внезапно осознаёт, что мир жесток и плохо смазан.

Рейдер завыл.

Карим отшатнулся, сам не веря, что это сработало.

Сработало.

И в тот же миг он почувствовал корабль.

Не весь. Не целиком. Кусок. Узел. Этот коридор, этот магнит, эту переборку. Словно старый корпус «Звёздной Танцовщицы» на один удар сердца признал в нём кого-то своего. Или кого-то, кому отвечает.

По коже побежали мурашки.

За спиной раздалась быстрые лёгкие шаги.

Карим развернулся – и едва не получил удар прикладом в висок.

Его спасла Зейнаб.

Она выскочила из облака пара как клинок из рукава: пистолет в правой руке, нож в левой, косы хлестнули по плечам. Два сухих выстрела – и второй рейдер рухнул к стене. Первый, придавленный переборкой, ещё пытался дёрнуться. Зейнаб не стала тратить пафос. Подошла, присела, нашла щель под шлемом и коротко, деловито всадила нож.

Потом повернулась к Кариму.

Осмотрела его с головы до ног.

Придавленного абордажника.

Щиток.

Спасённую девушку, которая сидела на полу, пытаясь заново собрать дыхание.

– Ну ты и гадёныш, – сказала она наконец.

Карим не понял, ругательство это или похвала.

Судя по её лицу – оба варианта разом.

Она помогла девушке встать.

– Имя?

– Н-Надия...

– Ранения?

– Нет... кажется... нет...

– Значит, дыши и не падай. Сегодня это уже вклад в общее дело.

Надия перевела взгляд на Карима и хрипло прошептала:

– Спасибо.

И только тогда до него дошло, что произошло.

Руки затряслись ещё сильнее. Колени внезапно стали ватными. Сердце заколотилось так бешено, будто хотело выскочить наружу и сбежать отдельно.

Зейнаб заметила это сразу.

Она молча вынула из кармана маленькую флягу и сунула ему в руку.

– Глотни.

Карим послушно сделал глоток – и тут же закашлялся, потому что внутри оказался не чай, а жидкий огонь.

Зейнаб хохотнула.

– Вот теперь снова похож на живого.

По внутренней связи загремел голос Лейлы:

– Отбой по третьей палубе ещё не объявлять. Проверить служебные коридоры правого борта. Всем постам доложить потери. Повторяю – всем постам.

Зейнаб коснулась браслета.

– Правый борт, техкоридор семь. Живы. Один наш связист цел, два мусорщика мертвы.

И у нас тут сюрприз.

Короткая пауза.

– Не говори, что это мальчик.

Зейнаб посмотрела на Карима, потом на щиток, потом на переборку.

– Именно мальчик.

Через минуту появилась Лейла. За ней – Рашид, с копотью на лице и гаечным ключом в руке, будто это был официальный жезл корабельной власти.

Капитанша остановилась посреди коридора и окинула сцену одним взглядом. Ей не понадобилось много времени, чтобы всё понять.

Надия у стены.

Труп.

Придавленный второй рейдер.

Открытый щиток.

Карим.

– Доклад, – сказала она.

Зейнаб коротко кивнула на мальчишку.

– Нарушил приказ. Не сидел в укрытии. Отвлёк абордажников. Уронил аварийную переборку. Спас Надию.

Рашид уставился на панель.

– Он не мог так быстро понять схему.

– Вот и я о том же, – сказала Зейнаб.

Лейла подошла ближе.

– Это правда?

Карим чувствовал себя так, будто стоит босиком на раскалённой плите.

– Я... просто увидел фиксатор.

– Увидел?

– Понял.

– Разница для тебя есть?

– Нет.

Она смотрела на него долго. Не как на ребёнка. Не как на вора. Как на неразорвавшийся боеприпас.

Рашид тихо выдохнул.

– Капитанша, журналы трюма тоже барахлят. Я думал, после изоляции фон упадёт. Не упал.

Лейла даже не повернулась к нему.

– Проверишь ещё раз. Все связки, все замки, все обходные контуры. Я хочу знать, с чего вдруг мальчик с рынка чувствует мой корабль лучше половины команды.

– Спасибо, – пробормотал Карим. – Очень приятно стать предметом такой высокой технической оценки.

Уголок рта Зейнаб дёрнулся.

Лейла не улыбнулась. Но её голос стал чуть тише.

– Не обольщайся. Ты всё ещё проблема.

– Но теперь полезная, – вставил Рашид.

– Самый мерзкий подвид проблемы, – буркнула она.

И только Тарик, подошедший последним, ничего не сказал сразу.

Он смотрел не на тела. Не на щиток. Не на Надию. А на Карима.

Потом – на стену рядом с ним.

Потом – куда-то глубже, за металл, за трубы, за гул систем.

Его лицо стало очень усталым.

– Он откликается, – произнёс Тарик едва слышно.

Лейла резко повернула голову.

– Кто?

Тарик медленно поднял взгляд.

– Не только кристалл, капитан. Всё, что слишком долго было рядом с ним. Всё, что уже коснулось того груза.

Карим почувствовал, как холодеют пальцы.

Потому что в этот момент – среди запаха пара, крови, палёной изоляции и оружейной смазки – он снова услышал это.

Очень далеко.

Очень глубоко.

За недрами корабля.

Тук.

Пауза.

Тук.

Пауза.

Это был не двигатель. Не насос. Не магнитный зажим. Не шаги.

Слишком ровно.

Слишком живо.

Словно где-то в трюме, под замками, свинцовыми футлярами и слоями старого железа, билось второе сердце.

Глава 6. Цена полезной проблемы

После боя корабль всегда пахнет одинаково.

Неважно, чей он – легионный корвет, паломнический барк, торговый сухогруз или контрабандная посуда вроде «Звёздной Танцовщицы». После драки в замкнутом металле остаётся один и тот же густой, липкий воздух: палёная изоляция, оружейная смазка, человеческий пот, горячий пластик, кровь и тот особый солоноватый запах страха, который фильтры убирают хуже всего.

Карим сидел на откидной койке в маленьком медотсеке и смотрел, как врачебный дрон – круглый, старый, ободранный, с наклеенной на корпус молитвенной лентой Иконе Целительницы – шипит антисептиком на его рассечённые костяшки.

– Не дёргайся, – сказала Надия.

Она уже не дрожала, как в коридоре, но голос всё ещё был чуть хриплым. Девушка из узла связи оказалась моложе, чем показалась сначала. Лет восемнадцать, не больше. Смуглое узкое лицо, коротко обрезанные волосы, глаза тёмные и упрямые. На виске – свежая ссадина. На шее – тонкий шнурок с маленьким знаком Иконы Посланника.

– Я не дёргаюсь, – буркнул Карим.

Дрон немедленно пшикнул ему новой порцией антисептика, будто из принципа.

– Лжёшь, – сказала Надия.

– У вас тут все такие добрые?

– Только к тем, кто лезет под выстрелы без разрешения.

Карим искоса посмотрел на неё.

– Ты тоже туда полезла без разрешения.

– Я была на посту связи.

– С маленьким парализатором против двух бронированных уродов.

Надия пожала плечом.

– Парализатор всё ещё лучше молитвы без парализатора.

Карим не сразу понял, что это шутка. А когда понял, фыркнул. Надия коротко улыбнулась – и тут же снова стала серьёзной.

– Всё равно спасибо, – сказала она уже тише.

Он пожал плечами, не находя, что ответить.

Спасать кого-то было странно. На Нижних Уровнях он не раз вытаскивал своих из драки или из лап патруля, но там всё было по-другому: привычно, грязно, без слов. Здесь же после одного глупого, отчаянного рывка все смотрели на него иначе. Не как на мешок проблем. Точнее – не только как на мешок проблем.

Дверь медотсека открылась.

Лейла не вошла – она врезалась в пространство своим присутствием так, будто и сама была частью корабельной тревоги. За ней шагал Рашид, усталый, с новым синяком под глазом. Тарик появился последним, как всегда тихо и неотвратимо, будто не шёл, а материализовался из плохих предчувствий.

Надия тут же встала.

– Капитан.

– Докладывай, – сказала Лейла.

– Связь по внутренним палубам восстановлена. Внешний канал ещё хрипит, но глушение ушло. Два абордажных тела у правого борта, ещё трое – на стыке второй палубы. Наши ранены, но живы. Штурман говорит, хвост оторвали.

– Уверен?

– Штурман уверен. Я – нет.

– Здравый подход, – сухо сказала Лейла.

Она перевела взгляд на Карима.

– Встать можешь?

– Если это не хитрый способ снова меня допросить стоя, то да.

Рашид едва заметно усмехнулся. Надия – тоже. Тарик прикрыл глаза, будто молча поблагодарил Икон за то, что мальчишка не разучился огрызаться.

Лейла не улыбнулась.

– Хорошо. Значит, ноги целы. Пошли.

– Куда?

– Туда, где ты объяснишь мне одну интересную вещь. Почему пираты шли на абордаж не за грузом вообще, а за “маленьким контейнером или ребёнком”.

Медотсек будто стал теснее.

Карим медленно поднялся. В животе неприятно похолодело.

– Я не знаю.

– Верю. Но это не отменяет того, что ответ где-то рядом с тобой.

Она развернулась и вышла, не проверяя, идёт ли он следом. На корабле привыкли идти за её приказами быстрее, чем за собственными мыслями.

Карим пошёл.

Кают-компания после боя выглядела иначе.

Кто-то вытер кровь со стола, но не до конца: в стыке осталась тонкая тёмная полоска. На полу валялась пустая аптечная ампула. Один из шкафчиков перекосило при манёвре, и теперь дверца не закрывалась плотно. Корабельный муэдзин всё ещё шептал из динамика молитвы Иконам, только теперь запись слегка заедала на одном месте, и фраза «пусть путь будет— пусть путь будет— пусть путь будет—» звучала почти издевательски.

Лейла остановилась у стола.

– Садись.

Карим сел.

Зейнаб уже была здесь, развалившись в кресле так, будто только что не прикончила двоих в техкоридоре, а просто вернулась после скучной смены. На деле же в уголках её глаз пряталась усталость, а на рукаве темнело чужое пятно крови. Рашид встал у стены, скрестив руки на груди. Тарик занял своё обычное место чуть в стороне.

На стол Лейла бросила что-то металлическое.

Это был жетон. Не корабельный. Не пиратский в обычном смысле. Овальная пластина, затёртая, с полустёртым клеймом. Карим наклонился ближе.

На одной стороне – крошечный знак в виде стилизованного глаза внутри шестерни. На другой – едва видимый номер и кусок шифра.

– Нашли на одном из абордажников, – сказала Лейла. – Знаешь, что это?

Карим покачал головой.

Рашид мрачно сказал:

– Частная охранная группа. Не самые крупные, но достаточно умные, чтобы не работать бесплатно. Обычно сопровождают грязные грузы Консорциума или делают вещи, которые Консорциум потом официально не заказывал.

– “Серые вуали”, – добавила Зейнаб. – Мелкие шакалы при больших хозяевах. Терпеть не могу профессионалов без гордости.

Карим почувствовал, как внутри всё опускается ещё на шаг.

– Консорциум послал их?

– Возможно, – сказала Лейла. – Возможно – нет. В Горизонте любой может купить чужие руки. Консорциум, Свободная Лига, церковные фракции, частные дома, люди с лишними день-

гами и нехваткой совести. Вопрос не в том, кто послал. Вопрос в другом: почему они знали о ребёнке.

Она положила ладони на стол и наклонилась к нему.

– Я повторю. Они искали не просто груз. Они искали “маленький контейнер или ребёнок”. Значит, где-то между рынком Аль-Хамра, космопортом и нашим маршрутом информация утекла так, будто ей заплатили за крылья.

Карим заставил себя выдержать её взгляд.

– Я никому ничего не говорил.

– Я знаю.

– Откуда?

– Потому что если бы ты работал на кого-то, ты бы уже попытался торговаться. Или врал бы лучше.

На секунду это прозвучало почти как комплимент. Почти.

Тарик медленно провёл пальцами по краю стола.

– Есть ещё один вариант.

Лейла даже не повернула головы.

– Конечно есть. У тебя всегда есть ещё один вариант, и почти всегда он мистический.

– Не мистический. Неприятный.

Зейнаб вздохнула.

– Это ещё хуже.

Тарик посмотрел на Карима.

– Когда некоторые вещи пробуждаются, они начинают отзываться не только тем, кто их держит, но и тем, кто настроен их искать. Артефакт, если это действительно часть более крупного целого, может вести себя как маяк.

Рашид глухо выругался.

– Замечательно. То есть у нас на борту не просто проклятая штука, а проклятая штука с функцией вызова гостей.

– Я сказал “может”, – спокойно ответил Тарик.

– В твоём исполнении это всегда значит “готовьтесь к худшему”.

Карим слушал их и чувствовал, как холодеют пальцы.

Маяк.

Он вспомнил тепло кристалла в кармане. Пульс. Ощущение, что кто-то слушает. И те слова рейдера: маленький контейнер или ребёнок.

– А если они шли не за мной? – тихо сказал он. – А за контейнером?

Лейла не ответила сразу.

– Это было бы гораздо удобнее, – наконец сказала она. – Но удобное редко оказывается правдой.

Зейнаб подалась вперёд.

– Есть ещё один кусок веселья. Мы обыскали их шлюпку. Ничего выдающегося – боекомплект, магнитные кошки, дешёвое топливо и плохие вкусовые предпочтения в еде. Но в навигационном журнале стёрт маршрут выхода. Очень аккуратно. Не пираты так чистят. Так чистят люди, которых учили не оставлять имён хозяев.

Лейла тихо постучала пальцем по столу.

– Значит, расклад такой. Кто-то знал о кристалле. Кто-то знал, что он ушёл с рынка. Кто-то успел найти наш корабль после старта и посадить хвост на выходе с маршрута. Это либо невероятное везение, либо очень хорошая сеть. Мне не нравится ни то, ни другое.

Она выпрямилась.

– Теперь о более насущном. После сцепления и манёвра у нас пляшет портал-навигация. Штурман говорит, один из коррекционных массивов поймал перегрузку. Мы ещё идём по коридору, но выход может получиться... грязным.

– Насколько грязным? – спросил Рашид.

Лейла бросила на него сухой взгляд.

– Настолько, что я уже отправила благодарственную молитву всем Иконам разом, а я не люблю работать оптом.

Это заставило даже Зейнаб перестать ухмыляться.

Тарик тихо произнёс:

– Где ближайшая стабильная точка?

– По плану – станция перехода у Куа, – ответила Лейла. – По тому, как сейчас ведёт себя контур... не знаю.

Слово «не знаю» от неё прозвучало тяжело. Не как признание слабости. Как объявление бури.

Карим сидел неподвижно.

Он снова был причиной. Не единственной – но причиной. Это чувство придавливало сильнее, чем упавшая сервисная дверь рейдера.

– Я могу уйти в шлюз, если вы—

Зейнаб цокнула языком.

– Нет.

Карим моргнул.

Лейла тоже посмотрела на него без всякой мягкости.

– Не носи чушь. Поздно строить из себя благородную жертву. Ты уже внутри узора. Вопрос не в том, есть ли от тебя беда. Вопрос в том, можно ли из этой беды выжать пользу прежде, чем она нас всех сожрёт.

– Умеешь утешить, капитан, – пробормотал Рашид.

– Это не утешение. Это стратегия.

Карим опустил взгляд на свои руки.

– Я не хотел...

– Знаю, – сказала Лейла уже тише. – Но послушай меня внимательно, мальчик. В Третьем Горизонте желание и последствия редко идут одной дорогой. Половина войн тут началась с того, что кто-то “не хотел”. Не хотел предавать. Не хотел копать старые руины. Не хотел открывать контейнер. Не хотел слушать странный голос в темноте. А потом вокруг оказывались трупы и проповедники.

Тарик чуть склонил голову.

– Иногда ещё учёные.

– Учёные хуже проповедников, – отрезала Лейла. – Проповедники хотя бы честно любят свои безумия.

Карим невольно поднял на неё глаза.

В её лице было что-то, чего он раньше не замечал под жёсткостью: усталость. Не сегодняшняя. Старая. Та, что копится годами, когда слишком много раз вытаскиваешь людей из огня и всё равно не всех.

И вдруг ему пришло в голову, что этот шрам на её груди – не просто след. Это, возможно, памятник кому-то, кого она не успела спасти.

Мысль была такой сильной, что он почти услышал её как чужой шёпот.

Он резко вдохнул.

Лейла заметила.

– Что?

Карим колебался.

Потом сказал правду:

– Иногда... когда я смотрю на людей после того кристалла... у меня будто вспыхивает что-то. Не слова. Не картинки. Просто... чувство. Про них. Как будто часть того, что они прячут, на секунду становится ближе.

В комнате стало тихо.

Рашид перестал двигаться.

Зейнаб медленно выпрямилась.

Тарик закрыл глаза – не от усталости, а так, будто услышал подтверждение тому, чего боялся.

Только Лейла осталась неподвижной.

– И что ты сейчас “почувствовал”? – спросила она ровно.

Карим понял, что поздно отступить.

– Что твой шрам – не просто рана.

Зейнаб резко повернула голову к капитанше. Рашид выругался себе под нос. Тарик не сказал ничего.

Лейла молчала так долго, что у Карима внутри всё успело несколько раз умереть и воскреснуть.

Потом она сказала:

– Все вон.

– Лейла— начал Тарик.

– Я сказала – все. Вон.

Никто не спорил.

Зейнаб ушла первой, бросив на Карима предупреждающий взгляд: не делай резких движений, не умирай, не будь идиотом, всё сразу. Рашид задержался на пороге, будто хотел что-то сказать, но передумал. Тарик вышел последним и тихо прикрыл за собой дверь.

Теперь в кают-компании остались только двое.

Лейла сняла жетон с шеи и положила рядом с собой на стол. Металл тихо звякнул.

– Раз уж день у нас идёт к чудесам, слушай внимательно, – сказала она.

Её голос стал ниже. Не мягче. Просто глубже.

– Много лет назад я служила в легионной поисковой группе. Нам дали приказ проверить старый научный пост в одной из внешних систем. Официально – карантин. Неофициально – кто-то нашёл там то, что не должен был. Когда мы вошли, станция была почти мертва. Свет мигал. Люди молились, даже те, кто не умел. Один человек... – она замолчала, подбирая слово, – один человек держал в груди нечто, чего там быть не должно.

Карим не шевелился.

– Он говорил разными голосами, – продолжила Лейла. – Иногда своим. Иногда чужими. Иногда голосами людей, которых в комнате не было. Он знал вещи о нас, которых знать не мог. И обещал, что если мы его не убьём, то “сердце” покажет дорогу через тьму. Что человечество жило слепым. Что Икон больше, чем учит Церковь. Что нас всех ждали.

Она коротко, безрадостно усмехнулась.

– Такие речи очень любят те, кто уже перестал быть человеком полностью и ещё не понял этого.

Карим почувствовал, как холод ползёт по позвоночнику.

– Ты его убила?

Лейла посмотрела ему прямо в глаза.

– Да.

Один слог. Без оправданий.

– И он ранил тебя.

– Нет. – Она коснулась чёрного шрама через ткань. – Он дотронулся до меня. Этого хватило.

Карим понял, что дышит слишком часто.

– И теперь ты думаешь, что со мной будет то же самое?

– Я думаю, – сказала Лейла, – что если это так, я уже один раз видела конец этой дороги.

И он мне не понравился.

Они долго молчали.

За стенами корабль жил своей жизнью: шаги, глухие удары, далёкий гул, отрывистые переговоры по внутренней связи. Мир не замер ради их разговора. Космос редко так любезен.

Наконец Лейла выпрямилась.

– Но есть разница.

– Какая?

– Тогда у меня был солдат с приказом и чудовище перед ним. Сейчас у меня на борту мальчишка, который полез спасать связистку, хотя ему велели сидеть в укрытии.

– Это звучит не как похвала.

– Это и не похвала. Это проблема, как я уже говорила. Но другая.

Она встала.

– До тех пор, пока ты не докажешь обратное, я считаю тебя человеком. Понял?

Карим медленно кивнул.

Это было самым страшным и самым добрым, что ему говорили за последние сутки.

И именно в этот момент весь корабль содрогнулся.

Не от удара.

От чего-то хуже.

Сначала пропал звук. На долю секунды – весь. Будто мир провалился в ватную пустоту. Потом лампы вспыхнули белым, потом красным, потом снова белым. Стол завибрировал. Из динамика рвануло искажённое шипение.

Голос штурмана прорезал его сквозь помехи:

– Капитан! Коридор распадается! Нас сносит с оси! Повторяю: нас сносит!

Лейла уже была у двери.

– Мостик! Всем пристегнуться! Аварийный режим! Рашид – на реактор! Зейнаб – ко мне!

Она обернулась к Кариму.

– Не отходи от стены ни на шаг!

И вылетела в коридор.

Корабль снова дёрнуло.

Теперь уже так, что Карима швырнуло плечом в переборку. В нос ударил запах озона. Где-то в глубине судна завывала автоматика. По полу прошла волна дрожи – длинная, судорожная, как будто сама «Звёздная Танцовщица» вцепилась в пространство когтями и не удержала хватку.

Карим вцепился в поручень.

И тогда услышал его снова.

Не далёкий ритм из трюма.

А много голосов разом.

Неясных. Чужих. Старых.

Они шли не из динамиков и не из коридора.

Они шли сквозь металл.

Сквозь него.

Словно за тонкой кожей корабля, по ту сторону маршрута, кто-то проснулся и повернул к ним головы.

Потом ударило белым светом.

И «Звёздную Танцовщицу» выбросило из пути.

Глава 7. Мёртвый свет

Свет не просто ослепил.

Он вошёл под веки, под ногти, в зубы, в самую глубину черепа – как будто сам путь, сам коридор между звёздами на секунду решил посмотреть на них в ответ. Карим не успел ни закричать, ни подумать, ни по-настоящему испугаться. Его мир превратился в один длинный белый удар.

Потом белизну разорвало.

Корабль вывернуло, словно «Звёздную Танцовщицу» кто-то ухватил за корпус гигантской невидимой рукой и швырнул наугад в пустоту. Пол ушёл из-под ног. Воздух стал тяжёлым, потом внезапно лёгким, потом снова тяжёлым. Карима сорвало с места и впечатало боком в переборку так, что дыхание исчезло, будто его вынули из груди и забыли вернуть.

Где-то дальше по коридору с хрустом лопнул кожух кабельного узла. На пол дождём посыпались искры.

По внутренней связи рявкнули сразу три голоса:

- Реактор проседает!
- Давление на второй палубе!
- Шлюзовой сектор заклин—

Фразу оборвало таким треском, будто кому-то переломили горло прямо внутри динамика.

Карим вцепился в поручень обеими руками. Ладони скользили. Мир качало, как дешёвую тележку на разбитой платформе, только тележка эта летела между звёздами и была полна людей, которых он не хотел похоронить вместе с собой.

Белый свет наконец схлынул, оставив после себя мерзкие цветные пятна перед глазами. Вместо него в коридорах вспыхнул красный аварийный полумрак. Вой сирен наложился на утробный стон самого корабля – старый корпус скрипел, словно костяк огромного зверя, которого пытаются согнуть не в ту сторону.

Карим заставил себя отлепиться от стены.

– Лейла! – крикнул он, сам не зная, услышит ли.

Ответа не было.

Только ещё один удар – не снаружи, а внутри. Где-то в недрах «Танцовщицы» что-то тяжёлое сорвалось с креплений и покатило по палубе.

Он сделал шаг в коридор, и в этот момент над самой головой взорвался светильник. Осколки пластика брызнули по плечам. Карим пригнулся, прикрывая лицо.

Впереди уже бежали люди. Двое техников тащили аварийный блок питания. Надия прижимала к уху гарнитуру, хотя связь, судя по её лицу, превратилась в кашу из помех, молитв и ругани. Рашид мчался в сторону реакторного отсека с тем самым видом, с каким хорошие механики идут либо чинить, либо мстить.

Он заметил Карима на полпути.

- Живой? – рявкнул он.
- Пока да!
- Тогда хватайся за поручни и не сдохни, я занят!

И исчез за поворотом.

Карим стоял посреди коридора, чувствуя себя одновременно лишним и до боли нужным. Корабль жил в кризисе без него, но беда, если быть честным, всё равно шла рядом с ним, как голодная тень.

Динамик над дверью затрещал. На этот раз голос Лейлы пробился сквозь помехи – низкий, злой и ровный именно потому, что всё шло плохо.

– Внимание всему экипажу. Мы вышли из коридора вне расчётной точки. Повторяю: вне расчётной точки. Все посты – аварийная проверка. Повреждения докладывать немедленно. Не открывать внешние шлюзы без команды. Не трогать грузовой сектор три. Если кто-нибудь сейчас начнёт паниковать, я лично найду время и силы выбить из него дурь.

На последних словах корабль снова содрогнулся. Уже мягче. Будто, выбросив их из маршрута, сама реальность устало выплюнула добычу и занялась чем-то другим.

Карим прижался к переборке и медленно, осторожно вдохнул.

Он был жив.

Они все – вероятно – тоже.

И теперь было только одно хуже того, чтобы умереть в прыжке: выжить и не знать, где именно ты выжил.

На мостик его никто не звал. И это было разумно. На мостике в такие минуты не место безбилетным мальчишкам с еретическими артефактами на совести. Но корабли – существа проницаемые. На них новости бегут по трубам, кабелям, ругани и взглядам быстрее официальных докладов.

Карим услышал первую половину правды, когда добрался до технического узла и застал там Зейнаб, прижатую ремнём к консоли навигационного дублёра. Её косы выбились из крепления, на щеке была свежая полоса копоты, а в глазах – тот блеск, который бывает у пилотов, когда они только что удержали машину от глупой смерти и теперь готовы убить всех остальных сами.

– Не стой столбом, – сказала она, не оборачиваясь. – Или стой, но хотя бы там, где не отвалится потолок.

Карим подошёл ближе.

На голографической пластине перед ней висела система. Точнее, нечто, что когда-то было системой. Чёрная карта с редкими, тусклыми отметками. Один холодный жёлто-серый карлик в центре, еле живой, будто забытый собственным светом. Пять планетных орбит – три пустых, одна с ледяной массой, ещё одна с газовым гигантом, у которого было слишком много мёртвых спутников. Никаких станций в общем реестре. Никаких активных маяков. Никаких торговых коридоров.

– Это где? – тихо спросил Карим.

– Если бы я знала, уже открыла бы лавку по продаже чудес, – отрезала Зейнаб. Потом ткнула пальцем в экран. – Астрономически система есть. Юридически – почти нет. Старый маршрутный архив говорит, что здесь когда-то был вспомогательный портал Второго Горизонта. Потом его закрыли. Потом про него забыли. Потом, кажется, забыли ещё раз для надёжности.

– То есть мы заблудились?

– Милый мальчик, заблудиться можно в квартале рынков. А нас вырвало в жопу звёздной карты, которую даже картографы вспоминают шёпотом.

Она резко дёрнула рычаг стабилизации. Картинка дрогнула, приближаясь к внешнему пространству у борта.

Только теперь Карим увидел звезду.

Не яркую. Не красивую. Не такую, о какой он мечтал в детстве. Это был бледный, грязноватый шар, тусклый, как старый фонарь за слоем пыли. Его свет почти не грел даже взгляд. Вокруг него всё казалось не чёрным, а серым – выцветшим, как ткань после слишком многих стирок.

И было в этом что-то хуже обычной темноты.

Будто сама система давно умерла, но по инерции всё ещё делала вид, что жива.

Карим поёжился.

– Она выглядит...

– Мёртвой? – помогла Зейнаб.

– Да.

– Угу. Я тоже это слово избегала первые три секунды. Потом оно победило.

Дверь за спиной раскрылась.

На пороге стояла Лейла. Вид у неё был такой, будто последние десять минут она спорила с самим космосом и не пришла к взаимопониманию.

– Доклад, – сказала она.

– Навигация врёт, – ответила Зейнаб. – Внешние метки молчат. Портальный след за нами распался, как и положено порядочному кошмару. Массив коррекции сгорел на треть. Но мы не падаем, не вращаемся и пока не умираем.

– “Пока” – это наше семейное слово, – сказала Лейла и подошла к экрану.

Она долго смотрела на тусклую систему.

– Узнаёшь? – спросила Зейнаб.

– Нет.

И это было сказано слишком быстро.

Зейнаб прищурилась, но ничего не ответила. Только Карим заметил, как Лейла на секунду коснулась груди, там, где под тканью прятался её чёрный шрам.

Лейла повернулась к Кариму.

– Почему ты не под замком?

– Потому что корабль попытался нас убить, и мне показалось не лучшим моментом соблюдать формальности.

На лице капитанши мелькнуло что-то, очень похожее на раздражённое согласие.

– Тогда соблюдай хотя бы одно правило: не трогай ничего, что светится странно, шепчет тебе в голову или хочет, чтобы ты к нему подошёл.

Карим сглотнул.

– А если оно не просит, а просто уже там?

Лейла замолчала на полсекунды дольше, чем следовало.

– Тогда докладываешь мне.

Сказано было спокойно, но по спине у него всё равно прошёл холодок.

Корабль стабилизировали только через полчаса.

Полчаса на борту повреждённого судна тянутся как полгода. За это время успеваешь трижды решить, что всё кончено, дважды поспорить с Иконами и один раз начать ценить простые вещи вроде герметичных стен.

Рашид и двое техников гасили перегрев реакторной петли. Надия пыталась поймать хоть какой-то внешний ответ на аварийный пинг. Зейнаб выравнивала ориентацию и ругалась с навигационной системой так, будто та задолжала ей деньги. Тарик ходил по коридорам, говорил с ранеными, шептал молитвы тем, кто хотел слушать, и молчал рядом с теми, кто не хотел.

Карим оказался между всем этим. Не при деле – и всё же везде.

Он нёс аптечные кассеты туда, где их просили. Подавал крепления техникам. Держал на весу крышку сервисной панели, пока Рашид по локоть лазил в раскалённое нутро блока стабилизации.

В какой-то момент механик, не поднимая головы, сказал:

– Ключ на двенадцать.

Карим, сам не понимая почему, потянулся не к левому набору, а к правому нижнему карману аварийного ящика и сразу нашёл нужный инструмент.

Рашид взял его автоматически. Потом замер.

Медленно высунулся из панели и посмотрел на Карима.

– Я же не сказал, где он лежит.

Карим открыл рот.

Закрыл.

– Угадал?

– Ненавижу, когда у нас в команде кто-то начинает “угадывать” техотсеки, – буркнул Рашид и снова нырнул в панель. – Это моя территория.

Но в голосе не было злости. Только нервная усталость.

И это пугало сильнее.

Потому что Карим действительно не угадывал.

Он чувствовал.

Корабль откликался на него кусками. Не как живое существо целиком, а как набор напряжённых мышц: здесь перегрев, тут заклиненный реле-мост, там сорванная защёлка. Он шёл по коридору – и знал, за какой стеной идёт лишняя вибрация. Проходил мимо шлюзового узла – и понимал, что левый замок закрыт не до конца. Подносил руку к переборке – и на секунду ощущал, как по ней бегут токи, будто пульс под чужой кожей.

Это было не даром.

Это было вторжением.

И он ещё не решил, что из двух хуже.

Первую настоящую интригу принесла Надия.

Она ворвалась в техотсек ближе к концу второго часа аварийной проверки, с горящими глазами и планшетом в руке. Не испуганная – именно напряжённо оживлённая. Так выглядят люди, которые нашли что-то плохое и ещё не решили, это уже катастрофа или пока просто предчувствие.

– Лейла где?

– На мостике, – ответил Рашид, не поднимая головы.

– Тогда идёте все.

– Я никуда не иду, пока этот контур не перестанет вести себя как обиженный святой, – буркнул механик.

Надия бросила взгляд на Карима.

– Ты тоже.

– Это звучит слишком интригующе, чтобы отказаться, – сказал он.

На мостике их уже ждали.

Лейла стояла у центральной консоли. Зейнаб сидела в пилотском кресле, вытянув ноги, но по тому, как она держала пальцы на подлокотниках, Карим понял: расслабленность там была только декоративной. Тарик стоял у обзорного экрана и смотрел в мёртвый свет системы так, будто он ему о чём-то напоминал.

Надия положила планшет на консоль и вывела сигнал.

– Внешний аварийный ответ мы не получили, – сказала она. – Ни от станций, ни от маяков, ни от пролетающих судов. Зато я поймала это.

Из динамиков послышался шорох.

Потом – гул.

Потом – голос.

Старый. Искажённый. Словно запись слишком много раз копировали, стирали и снова возвращали к жизни. Голос шёл рывками, но слова были различимы.

– ...всем бортам...

... карантинный протокол...

... повторяю, не приближаться...

... иконы милостивые, он ещё...

... сердце...

... не слушайте...

... не открывайте...

Запись оборвалась.

На мостике стало очень тихо.

Даже Рашид перестал дышать так громко.

– Повтори, – сказала Лейла.

Надя запустила сигнал снова.

Те же обрывки. Те же помехи. То же слово.

Сердце.

Карим почувствовал, как пальцы сами собой сжимаются в кулаки.

Тарик не обернулся. Только произнёс тихо:

– Это не случайная аварийная петля.

– Я в курсе, – сухо сказала Лейла.

– Запись старая, – вставила Надя. – Очень старая. Несколько слоёв кодировки я едва распознала. Формат ближе к доперестроечным архивам портальной эры. Такие протоколы больше не используют.

– Источник? – спросила Зейнаб.

Надя вывела на экран схему сектора.

Точка мигала где-то у четвёртой орбиты – там, где вокруг мёртвого газового гиганта висел рой мелких спутников и обломков.

– Оттуда, – сказала она. – Не с планеты. Не с маяка. С движущегося объекта. Или того, что когда-то было объектом.

Лейла медленно выдохнула.

– Ещё что-то?

Надя колебалась.

Потом сказала:

– Да.

Она увеличила изображение.

Сначала Карим не понял, на что смотрит. Просто тень. Искривлённая, тёмная, почти слитая с кольцом обломков. Потом в этой тени проступили линии. Рёбра. Сломанный корпус. Секция, похожая на вывороченный позвоночник. И очень далеко, на самой границе разрешения, – потускневший бортовой знак.

Рашид шагнул ближе.

– Это корабль?

– Был, – сказала Зейнаб. – Теперь это памятник дурным решениям.

– Размер? – спросила Лейла.

– Большой. Слишком большой для обычного торговца. Меньше линкора, больше дальнего грузовика. Старый профиль.

Тарик наконец обернулся.

– Название видно?

Надя покачала головой.

– Частично. Я вытащу, если подойдём ближе.

– Нет, – сразу сказала Лейла.

– Но—

– Нет. Мы не лезем к неизвестному мёртвому кораблю в мёртвой системе после аварийного выброса из коридора, пока я не пойму, не пытается ли вселенная убить нас как-то изысканнее.

Карим молчал.

Он смотрел на тень на экране и вдруг понял, что уже знает этот корабль.

Не разумом. Не по названию. Не по силуэту.

А тем же мерзким способом, каким знал фиксатор переборки и место ключа на двенадцать.

Оттуда – из темноты у четвёртой орбиты – на него смотрело что-то знакомое.

И в глубине груди у него, ровно под рёбрами, словно в ответ, коротко дёрнулось сердце.

Глава 8. Корабль, который ждал

Ночью – если это вообще можно было назвать ночью на корабле, где световой цикл давно сломался и время считали по усталости, а не по часам, – Карим не спал.

Ему отвели маленькую каюту техперсонала, освободив её после аварийного пересчёта мест. Каютка была размером с хороший шкаф и пахла пылью фильтров, старой тканью и горячим металлом. Койка, ремни, сетка для вещей, крошечная лампа над головой, значок Иконы Путника на стене. Человек, не выросший на Нижних Уровнях, назвал бы это теснотой. Карим назвал бы это роскошью. Здесь хотя бы дверь закрывалась, а потолок не капал ржавой водой.

Но сон всё равно не шёл.

Корабль жил вокруг него беспокойно. Где-то с глухим лязгом работали ремонтные сервоприводы. В соседнем отсеке кто-то ругался шёпотом. Раз в несколько минут по корпусу проходила лёгкая дрожь – Рашид гонял диагностику силовых контуров. «Танцовщица» не умирала. Она сердито срасталась обратно.

Карим лежал на спине и смотрел в потолок.

Стоило закрыть глаза, как перед ним снова всплывала тень огромного мёртвого корабля у четвёртой орбиты. Не просто как изображение. Как ощущение. Будто в его памяти была дверца, которой раньше там не было, а теперь кто-то начал тихо, настойчиво ковырять замок изнутри.

Он перевернулся на бок.

Потом ещё раз.

Потом сел.

В каюте было тихо. Слишком тихо, если не считать общего гудения корпуса. И именно в этой тишине он слышал – не ушами, а как будто сквозь них – далёкий ритм.

Тук.

Пауза.

Тук.

Пауза.

Он застыл.

Звук не шёл из коридора. Не из переборки. Не из вентиляции.

Он шёл изнутри него – и одновременно откуда-то далеко, из трюма, из пустоты, из той тени у четвёртой орбиты.

Карим медленно опустил ноги на пол.

– Нет, – шёпотом сказал он в темноту. – Нет. Я туда не пойду.

Ответа не было.

Только тишина.

И всё же он знал: это не конец разговора. Это его начало.

Утро на корабле началось с подозрений.

Так всегда бывает после боя, после аварии и особенно после того, как неизвестные наёмники почему-то знают про ребёнка на борту. Люди начинают двигаться чуть тише, смотреть чуть дольше и думать о некрасивых версиях событий.

В кают-компани пахло крепким кофе, подгоревшей лепёшкой и напряжением. Экипаж был не полный – «Звёздная Танцовщица» не носила на борту больших команд – но каждый здесь теперь выглядел чуть более собранным и чуть менее доверчивым, чем вчера.

Надия сидела с планшетом и ковыряла архивы частот. Рашид пил кофе так, словно хотел им наказать собственную усталость. Зейнаб точила нож и делала вид, что это её успокаивает. Тарик перелистывал старую книгу с закладками и не пил ничего, кроме воды. Лейла стояла у экрана системы, скрестив руки на груди.

Карим вошёл – и разговоры не смолкли, но изменили форму. Как вода, встретившая в русле новый камень.

– Садись, – сказала Лейла.

Он сел.

На столе лежал новый предмет.

Маленький, тёмный, размером с ноготь. Почти незаметный, если бы не тонкий красный огонёк, едва пульсирующий под полупрозрачной оболочкой.

Карим сразу понял, что это не украшение и не религиозный жетон.

– Что это?

– Маячок, – ответил Рашид. – Слепой пассивный маяк ближнего сопровождения. Очень аккуратный. Очень дорогой. Очень хитро приклеенный к нижней части грузовой рамы.

– Нашли утром, – сказала Зейнаб. – В том месте, куда никто не полез бы без полной проверки.

– Пираты? – спросил Карим.

– Или те, кто шёл перед ними, – сказала Лейла. – Главное – не это. Главное, что кто-то всё-таки посадил нам на борт глаз.

Она помолчала.

– И у меня есть три версии. Первая: маяк повесили в порту, и тогда нас вели с самого старта. Вторая: его прилепили уже после абордажа, и тогда хвост рассчитывал на долгую игру. Третья мне не нравится больше всего.

– Какая? – спросил Карим.

Лейла посмотрела на него.

– Что его активировал кристалл.

Рашид ругнулся.

Надия потеряла лоб, будто у неё начинала болеть голова ещё до полного разворачивания мысли.

Тарик тихо сказал:

– Или не кристалл. А то, частью чего кристалл является.

– Ты сегодня особенно бодрящий, отец Судья, – пробормотала Зейнаб.

Карим смотрел на маячок и вдруг почувствовал странное жжение в левом запястье. Не боль. Не ожог. Просто короткий импульс – словно чужое внимание на секунду коснулось кожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.